

Валерий Брюсов

Моление царя

Валерий Яковлевич Брюсов
Моление царя

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21119374
0101*

Валерий Яковлевич Брюсов

Моление царя

(Историческая сцена)

ЛИЦА СЦЕНЫ

Артавазд II – царь Армении (56 – 33 г. до Р. Х.).

Еврей – пленник.

Спарпет – военачальник армянского войска.

Приближенные царя, стража.

Действие в царском шатре, у границ Иудеи.

Царь. Теперь ввести ко мне того еврея.

Спарпет. Он здесь.

Царь. Так пусть войдет.

Еврей (*входит*). Привет царю.

Царь.

Мне говорили: ты гадать умеешь

И будущее верно предрекать.

Я приказал тебе прочесть по звездам.

Что моему народу Рок судил.

Готовы ли твои предвозвещанья?

Еврей.

Царь! Я не обучен ни ворожбе,
Ни знанию сокровенному халдеев.
Лишь то глашу, что Бог живой в уста
Влагает мне: Его я воли вестник.

Царь.

Тебе твой Бог поведал ли судьбу
Моей Армении?

Еврей.

Я видел, царь,
Грядущего видения, но смутно.

Царь. Так говори.

Еврей. Все ли открывать, Царь?

Царь. Все, без утайки.

Спарпет. Повинуйся тотчас!

Еврей.

Царь! Возвеличен ты! Как твой отец,
Свои полки ты вел победоносно
По многим странам: города, народы
Мечом смирял, и сам великий Рим
Твоей могучей длани силу ведал.

Царь! славься!

Царь. Дальше.

Еврей.

Я тобой отпущен.

По слову твоему молился Богу,

И был мне глас в ночи: «Встань и смотри!»

И я увидел, словно в буре некой,

Века, царей и битвы: все неслось,

Крутилось в вихре; восставали царства,

И падали. Лишь западный Дракон

Все возрастал в своей безмерной силе

И, простираясь, землю наполнял.

И вот уже не оставалось места

Где б не было его: Восток и Запад,

И Юг и Север, все заполнил он,

Пожрал народы и вобрал все царства

В свою утробу, и возвысил вдруг

Две головы венчанные над миром.

И пало все кругом пред ними ниц.

Царь. А мой народ?

Еврей.

На севере, в горах

Твоя корона золотом сверкала.

Порой Дракон, свирепствуя, тянул

К ней лапу, и она во мглах тускнела...

Спарамет. Царь, разрешишь ли?

Царь. Пусть договорит.

Еврей. Но снова разгоралась блеском.

Царь. Дальше!

Еврей.

И вновь в ночи был глас ко мне: «Смотри!»

И я увидел капища богов:

То были стены храмов Мицраима.

Божеств халдейских и божеств Эллады —

И вдруг они померкли. Страшный гром

Ударил с неба. Рухнули кумиры

С подножий, чтобы не встать.

И Бог Единый,

Народа избранного Бог живой,

Простер над миром пламенную длань —

И все ему в испуге поклонились.

Царь. А мой народ?

Еврей.

И твой народ познал

Творца земли и истинного Бога,

И ложных идолов во прах поверг

И Господу с усердием молился.

Спарамет.

Царь, повелишь, и этого еврея —
Немедля, воины твои распнут
За богохульство?

Царь. Пусть договорит.

Еврей.

И видел снова я и вихрь и бурю
Веков мятущихся. И тот Дракон,
Две головы имевший, вдруг распался,
И стало два: налево и направо.
И правый был неистов и хитер,
И продолжал владенья пожирать.
Но вышел зверь другой ему навстречу,
Лев, с солнцем за спиной. И оный Лев
И тот Дракон вступили в бой жестокий,
Терзая и грызя один другого,
И все, что было вокруг, в бою своем,
Зубами и когтями сокрушая.

Царь. А мой народ?

Еврей.

Он также был тогда
Разодран в этой схватке на две части.
Одну из них схватил себе Дракон,
Другую – Лев. И, стоя над добычей,
Они рычали, скаля зубы...

Спарамет. Царь! Нам нестерпимо эти речи слушать!
Царь. Я все хочу узнать. (*Еврею*). Что было дальше?
Еврей.

И шли года, и видел я – лежит
Твоя страна, как некий труп в пустыне,
Не мертвая, однако, но живая,
Затем, что взор ее порой блистал,
И грозный голос иногда ее
Был слышен. Но явился третий зверь,
Подобный Парду. Из пустынь внезапно
Он ринулся, и Льва он повалил,
И тяжкие нанес Дракону раны.
И вновь я видел много страшных битв,
Невидимых народов наступленья,
И слышал гулы новых языков.
И вот страна твоя, о Царь, очнулась,
И как бы ото сна, и ожила опять,
И язвы ребр ее вдруг исцелились.
И я увидел в глубине веков,
Как сквозь туман мы видим в отдаленье,
Что также две возносит твой народ
Главы, и обе в золотых коронах,
И два царя венцы приемлют эти:
Один – в горах, другой – на берегу
Морском. Близ них сверкают грады златом,
И к ним плывут с богатством корабли,
И славят их певцы на звонких гусях,

И им вещают правду мудрецы,
И весь народ довольством общим счастлив.

Царь.

Благодарю, Еврей! Получишь ты
За предсказанье тысячу статов
С моим изображеньем, – золотых.

Еврей.

Царь! Я не все сказал. Вновь некий голос
Мне повелел: «Смотри!» И видел я
Престол Всевышнего. Там херувимы,
Из огненных каминов фимиам
Струя пред троном, горестно рыдали
И лики закрывали, вопия: «Помилуй!»
Но Творец был непреклонен.
И длань сурово на Восток простер.
И там тогда, в пустынях каменистых,
В ущельях гор, всклубился новый вихрь,
И полчища незримых чудовищ
Вдруг ринулись на мир.
И был ужасный
Рев, стон и плач и скрежеты зубов,
И грады рушились в пожаре лютом,
И трупы запружали воду рек,
И обращались в пустоту поля.
И не было, кто мог бы устоять

Пред той грозой. Все стало степь и мгла.
И вновь твой край я видел, распростерт
Как труп, на перекрестке трех дорог.

Царь. Ты хочешь искушать мое терпенье, Еврей?

Спарамет. Царь! не довольно ль этих басен?

Царь. Договори, но лишь короче!

Еврей.

Царь! Немногое осталось говорить.
Я видел, как клубилась тьма густая
Там, где когда-то твой стоял престол.
И шли века, и не было просвета.
Лишь изредка сквозь мглу проникнуть мог
Тяжелый стон иль безнадежный крик.
Потом на Севере чуть просветлело,
И всматривался, вслушивался я,
Но трудно было различить виденья.
И вдруг опять ужасный гром потряс
И твердь и землю; снова заблестали
И молнии, и зарево пожаров;
Опять народы, всех концов земли,
Где Запад, где Восток, где Юг, где Север
Сошлись в безмерной сечи боевой;
И вокруг главы священной Арарата
Кровь потекла и зазвенела медь...
И смерть восстала в яростном обличье,
Главой касаясь тверди, и гласила,
Что день – ее! И содрогался мир

В невиданном дотоль землетрясенье.
Провалы разверзались, поглощая
Людей, народы, царства и царей!

Царь. А мой народ?

Еврей. Я ничего не видел.

Царь. Что мой народ?

Еврей.

Царь, не страшился я
Тебе всю правду говорить открыто.
Не побоялся б до конца сказать,
Но вдруг виденья прекратились.

Царь. Лжешь!

Еврей.

Глашатай Бога лгать не может, Царь,
Последнее, что мог я видеть, было
Внезапное во мраке озаренье,
Свет просиял, и был мне внятн глас:
«Лежащие в гробах да выйдут к солнцу!»
И тут же пал я, ужасом объят.

Царь. Но дальше!

Еврей.

Дальше ничего увидеть

Не мог я, Царь! Довольно. Отпусти
Меня. Я все сказал, что мне позволил
Глаголящий через мои уста.

Спарамет.

Царь, погляди, он весь расслаб от бреда.
За эти рассказы ему сто палок
Довольно дать.

Царь.

Нет, тысячу статеров
Я обещал. Что Царь сказал, то свято.
Иди, Еврей, но больше никогда
Мне на глаза не попадайся! Горе,
Кто моему народу предречет
Судьбу такую! О, родной народ!
Молю богов, – да будешь ты счастливей!

Еврея уводят. Царь остается в задумчивости.